

## Говор — речь устного сообщества

Говор противопоставляется общенародному, литературному языку отсутствием того, что принято называть письменной традицией. Он опирается на устную передачу, причем устность я понимаю не как «говорение», а как культурный тип. В связи с этим в настоящей статье анализируются последствия функционирования говора в сообществе устного типа, в котором традиция передается от поколения к поколению устным путем. В коллективной памяти носителей нет конкретных текстов или словарей говора. В подобной ситуации непосредственная память информантов ограничивается тремя поколениями. Именно этот временной отрезок доступен исследователям, изучающим изменения, происходящие в том или ином языковом сообществе. В свою очередь архаичность диалектных элементов можно установить лишь после сопоставления их с данными памятников литературного языка.

*Ключевые слова:* говор, устная культура, устность языка, сохранность говора

В первых научных диалектологических трудах мы находим методологические принципы, которым сегодня следовать сложно, однако некоторые утверждения из этих трудов проливают свет на характерное для того времени (не всегда осознанное) понимание говора. В первом атласе Мечислава Малецкого и Казимежа Нича объект исследования охарактеризован следующим образом:

Каждый информант должен был соответствовать следующим условиям: 1) место рождения — данный населенный пункт; 2) постоянное проживание в одном месте, т. е. подчеркивалась необходимость поиска людей, никогда не выезжавших за пределы родного села или выезжавших на короткое время [...] 3) соответствующий возраст, т. е. предпочтительно 45–65 лет, однако эти возрастные рамки не раз приходилось раздвигать в обе стороны, поскольку нередко встречались превосходные объекты моложе 45 лет или же, наоборот, старики старше 70 лет проявляли необычайную живость ума и удивительную память; 4) **по возможности неграмотность, а по меньшей мере редкое взаимодействие с книгой** (выделено мной. — *Е. С.*); 5) мнение руководства гмины и других жителей, что объект «говорит по-настоящему

по-крестьянски, по-нашему» [...] 6) Какая-никакая смышленость, а также умение рассказывать «байки», поскольку обычно такой человек легче справляется с опросником, нежели человек глупый, даже если последний говорит исключительно на говоре [AJPP: 18].

Принятые принципы позволяли ограничивать число «объектов», обследованных в одном населенном пункте. Об этом однозначно пишут упомянутые авторы:

По сути на вопросы отвечал **один** (выделено мной. — *Е. С.*) информант, с которым исследователь проходил по всем пунктам опросника. Тем не менее помимо одного главного информанта всегда было необходимо опрашивать информантов второстепенных — как для уточнения каких-либо конкретных вопросов, так и для проверки достоверности ответов главного объекта [AJPP: 20].

Отношение к обозначенной выше ситуации в значительной степени будет зависеть от принятых общих принципов, определяющих предмет и область диалектологических исследований [Sierociuk 2005]. Само понимание говора является здесь решающим фактором. В монографических описаниях, как правило, господствует убеждение, что предметом описания должна быть лишь такая коммуникативная ситуация, в которой с относительной полнотой реализуются системные черты, причем в подавляющем большинстве работ (если не во всех) принимаются во внимание фонетические и грамматические явления. Примеров тому множество. Немногим отличается и повсеместно принятое определение говора. Кроме того, удивление вызывает ограничение количества респондентов до одного человека.

В польской литературе есть два основных подхода, один из которых ассоциируется с лодзинской диалектологической школой:

Предметом диалектографических исследований является говор, понимаемый как речь крестьян некоей местности, отличающийся от других говоров рядом диалектных черт. Диалектной чертой мы считаем любую фонетическую, фонологическую, грамматическую или лексическую особенность народной речи, которая выделяет данный говор среди других говоров. Следовательно, к таким чертам относят как инновации (например, мазурение, переход фрикативного *r* в *ż*, исчезновение назальности у гласных, преобразование мягких губных и пр.), так и противопоставленные им характерные для других говоров архаизмы (например, отсутствие мазурения, сохранение фрикативного *r*, сохранение носовых гласных или их разложенных континуантов, сохранение мягких губных и т. д.); как черты, общие для говора и

литературного языка (например, отсутствие мазурения, разложение носовых гласных перед смычными, наличие мягких губных и т. д.), так и черты, чуждые литературному языку; как особенности, сформировавшиеся на данной территории, так и черты, заимствованные из других говоров или из литературного языка вследствие действия тенденции замены диалектных черт чертами, которые считаются более престижными. Эти диалектные черты выделяют и описывают, исследуя контрастирующие языковые элементы отдельных говоров на синхронном уровне [Dejna 1993: 12–13].

Второй подход разработан в краковской школе:

Говор — речь сельского населения на небольшой территории, как правило, в нескольких селах, отличающаяся от литературного языка и речи соседних сел определенными чертами, главным образом, фонетическими и лексическими; второстепенная по отношению к диалекту. Термины «говор» и «диалект» часто употребляются как синонимы. Сельские говоры зачастую называют народными или территориальными, чтобы отличать их от говоров городских и профессиональных. Говор в более общем значении — это сельская речь в целом [Encyklopedia: 108].

В приведенных выше определениях доминирует точка зрения, возникшая в «краковской лингвистической школе», на которую — особенно в области диалектологических исследований — огромное влияние оказала деятельность Казимежа Нича. Об этом недавно писал Дариуш Пивоварчик:

В Польше лишь начиная с Розвадовского, Нича и Лося можно говорить о в полной мере организованной, систематической научной и педагогической деятельности мирового уровня в области польского, славянского и индоевропейского языкознания. Благоприятное стечение обстоятельств позволило этим трем ученым длительное время работать в одном месте и создать лингвистический научный центр (так наз. «краковскую лингвистическую школу»). Результатов их трудов долго ждать не пришлось. **Большинство польских языковедов последующих поколений либо были их непосредственными учениками, либо каким-то образом от них зависели, хотя и получили образование в других центрах** (выделено мной. — *Е. С.*) [Piwoarczyk 2020: 135].

Представители краковской школы, как следует из приведенных выше цитат, усматривают специфику говора в оппозиции к «литературному языку», сосредотачиваясь в основном на фонетических чертах (а шире — системных). Не принимаются во внимание особенности функционирования говора с опорой на способ передачи между поколениями, традиции.

Учитывая важное для К. Нича условие («по возможности неграмотность, а по меньшей мере редкое взаимодействие с книгой»), необходимо также рассмотреть взаимообусловленность, определяющую функционирование общенародного (литературного) языка и собственно говора.

Литературный язык опирается на письменную традицию. Его грамматические правила подчинены традиции письменных текстов. В целом литературный язык вынуждает пользователя соблюдать правила, содержащиеся в грамматиках, которые редко подлежат изменениям. Лексические же средства – и значения отдельных слов – содержатся в регулярно обновляемых словарях (словарях литературного языка).

Стоит при случае сделать важное, с нашей точки зрения, замечание, касающееся терминологических связей: сам термин «литературный язык» отсылает нас к слову «литера» («буква»), ключевому для письменности графическому знаку. У (пра)славян же засвидетельствовано не только \**govoriti*, \**gavoriti*, но и \**gъvariti*: «пол. *gwarzyć gwarzę* ‘вести доверительный разговор, беседу’» [SP 2001].

В современных польских говорах мы находим доказательства жизнеспособности лексемы *gwarzyć*, которая согласно «Словарю польских говоров» *gwarzyć* [SGP 30: 443] встречается в следующих значениях:

1. ‘пользоваться словами для передачи мыслей и переживаний; говорить’ [...],
2. ‘пользоваться каким-либо языком, владеть им устно’ [...],
3. ‘разговаривать, болтать’ [...],
4. ‘о младенце: гулить’.

Из сказанного выше уже следует, что говор — прежде всего в среде его носителей — однозначно связан с устной передачей. А литературный язык, опирающийся на традицию письма, тоже осуществляет передачу, но в основном при помощи письменных источников. Литературный язык «записан» в грамматиках, которые модифицируются после периодов появления принципиально важных изменений в речи его носителей. Лингвистическая традиция велит периодически публиковать «актуальный» состав лексики данного языка. Оба этих направления, по сути, выполняют роль нормативных источников. Соблюдение норм литературного языка является манифестацией принадлежности к «культурной» прослойке данного народа.

Литературный язык, имеющий длительную традицию письменных грамматик, допускает возвращение в повседневное употребление, в частности, архаических лексических элементов. Это особенно заметно в

случаях исторической стилизации. В традиции письменной культуры возможны также «открытия» забытого литературного творчества, «открытие» забытого писателя. Подобные примеры известны в истории практически каждого языка, культуры каждого народа. Прекрасной иллюстрацией подобного «возвращения памяти» в польской традиции служит творчество Циприана Камиля Норвида, который считается одним из главных польских национальных поэтов. Норвид умер практически в безвестности, а всплеск интереса к его творчеству случился спустя несколько десятилетий после смерти поэта-романтика, когда было обнаружено его поэтическое наследие. Нечто похожее происходило и с различными языковыми памятниками, заново открытыми спустя много лет.

Говоря о лексике, следует отметить актуальные списки новых слов, встречающихся в текстах, обновляемые практически каждые полвека словари, во многом выполняющие еще и функцию нормативных справочников.

Одна из основ культуры письма (традиции письменного языка) — сохранившиеся тексты. Иначе обстоит дело с опирающимися на устную традицию говорами:

Устная культура не располагает каким-либо нейтральным носителем информации в виде списка. [...] В устной культуре нет ничего похожего на учебники или самоучители, например, ремесел [...]. Ведь профессией овладевали в процессе работы (как это до сих пор происходит даже в высокотехнологичных культурах), что подразумевало наблюдение и практику с минимальной дозой вербальных объяснений [Ong 1992: 69].

У говоров, опирающихся на межпоколенческую передачу, нет возможности сохранять тексты. «Устная культура не обладает какими-либо текстами», — пишет Уолтер Онг [Ong 1992: 58]. После чего делает вывод:

Мысль требует определенной последовательности (continuity). Письмо устанавливает <линию> последовательности в тексте, за пределами сознания. Если по причине рассеянности или невнимательности я не понимаю или теряю контекст, из которого вырастает читаемый мной в данный момент материал, то могу восстановить его, просмотрев предыдущий текст. [...] В устной речи ситуация иная. Нет ничего вне нашего сознания, к чему можно было бы вернуться, поскольку устное высказывание исчезает сразу после того, как его произнесли. [...] Избыточность, повторение только что сказанного, гарантирует говорящему и слушающему взаимопонимание.

Поскольку избыточность присуща устной мысли и речи, в глубинном смысле она более естественна для мысли и речи, нежели разреженная (*sparse*)

линейность. Разреженная линейно (иначе: аналитическая) мысль и речь — это искусственное творение, возникшее благодаря технологии письма [Ong 1992: 65].

Обозначенная ситуация прекрасно известна диалектологам, ведь мы постоянно сталкиваемся с ней в ходе полевых исследований. Вероятно, следствием вышесказанного следует считать и некоторые черты диалектного синтаксиса — например, повторение подлежащего.

Обратимся к высказываниям современных жителей деревни:

### **Na którą furtkę mówili uliczka?**

*to przeważnie uliczka to była ta furtka co była pirszo wejście na podwyrze (!) ... to była uliczka ... nie ... bo z ulicy wchodzili ... to była uliczka ... ta pirszo furtka ... co wchodź na podwyrze ... nie ... to była uliczka ... no ... i to tam u nos te uliczki ... nie wim co to był za zwyczaj ... teraz już sie odzwyczajili ... a zreszto teraz to już metalowe to by nie wystawił ... ale kiedyś to było tam ... że na Sylwestra wynieśli ... nie ... furtke ... tam schowali gdzieś ... coś tam ... uliczke ... jak kto ...* (Горанец, повет Гнезно; запись 2015 г.; инф. 1955 г. р.).

### **Какую калитку называли уличка?**

*чаще всего уличка — это была такая калитка, которая была первым входом во двор (!)... это и была уличка... ну... потому что с улицы заходили... это была уличка... та первая калитка... через которую во двор заходят... ну... это и была уличка... ну... и вот там у нас эти улички... не знаю, что это был за обычай... сейчас уже отвыкли ... да и вообще сейчас уже металлические, так что не снимешь... а когда-то было там такое... что на Сильвестра [31 декабря] снимали... ну... калитку... там прятали где-то... что-то там... уличку... кто как...*

Приведенный фрагмент снабжен подробной информацией (место записи, год проведения интервью и данные об информанте), поскольку я считаю (и это подтверждают полевые исследования), что указанные данные являются основной информацией, необходимой для лингвистической характеристики речи конкретного языкового сообщества во всей ее сложности.

Еще один пример из того же интервью:

### **Jak na ten sposób koszenia mówili?**

*to było na pokos ...*

### **Na pokos?**

*nie ... na lapke ... a na pokos było odwrotnie ... na pokos to było ... siekli ... to niskie zboża ... owies ... tam coś ... to jak zaczął tak ... to tutaj leciło na zimie ...*

*i to te groty były po to ... żeby nie leciało tag na powróż ... jak to mówie ... to sie stowiało ino tak ... jak szła to nogami tu zgorniała ... chwyciła ... i zwió"zała ... a jak kto ni umioł sic ... to taki powróż móg zrobić ... bo to ...*

### **Czyli to kosili „na łapkę”?**

*na łapke to siekli jak siekli tak ... zboże tu rosło ... i z ty stróny ... te ukoszone opirało sie o te stojó"ce jeszcze ... i to musioł tak ... jak kto umioł dobrze sic to tak zacinoł ... że równiutko to musiało być ... a jak któż nie umioł ... to óna chwyciła ... ta co wió"zała chwyciła ... a tu jeszcze sie zimi trzymało ... bo pociół zó"bki ... nierówno ... to sie tag narobiła ... bo musiaa tam wyrwać to ze zimi ... a na pokos to było to ... że przeważnie to nisze zboże to na pokos siekli ... bo ... jak na pokos siekli no pomogli se sic ... a wió"zać mogli późni ... to se siek tam ... nie przeszkadzoł ... a tu to musiaa zaroz pozbirać ... bo jak drugi sik to ... ni móg sic ... nie ... to jechali se kawolek ... jedna wio"zała a drugi sik ...*

### **A dlaczego mówili, że to kosili „na łapkę”?**

*na łapke ... no bo to sie opirało ... i tam chwytała ... i wió"zała ... no to było na łapke ... a na pokos to spadło ... i pokos ... (Горанец, повет Гнезно; запись 2015 г.; инф. 1955 г. р.)*

### **Как называли такой способ кошения?**

*Это было на покос...*

#### **На покос?**

*He... на лапку... а на покос было наоборот... на покос было... косили... низкие зерновые... овес... там что-то... вот как начал так... то тут летело на землю... и для этого на косе были грабли ... чтобы не летело куда попало... как я говорю... так это ставили... как шла, то ногами так сгребала... хватала... и вязала... а кто косить не умел... тот кое-как делал... это ведь...*

#### **То есть так «косили на лапку»?**

*На лапку косили, как косили так... здесь зерновые росли... и с этой стороны... то, что скосили, опиралось на то, что еще стояло... и надо было так... если кто умел хорошо косить, то так начинал... ровнехонько должно было быть... а если кто-то не умел... то она хватала... та, что вязала, хватала... а здесь еще за землю держалось... потому что зубчиками скошено... неровно... так тяжело ей приходилось... потому что ей нужно было вырвать все это из земли... а на покос — это было... что обычно низкие зерновые на покос косили... потому что... как на покос косили, ну помогли друг другу косить... а вязать могли потом... вот так там косил... не мешал... а тут ей нужно было сразу пособирать... потому что если второй косил, то... не мог косить... ну... вот и двигались понемногу .... Одна вязала, а второй косил...*

### **А почему говорили, что косили «на лапку»?**

*На лапку... ну потому что опиралось... и там хватала... и вязала... ну вот это было на лапку... а на покос упало... и покос...*

Эти довольно пространственные примеры однозначно подтверждают мнение У. Онга:

Устные культуры часто используют понятия ситуативно, в функциональном контексте, поэтому данные понятия минимально абстрактны, т.е. сохраняют связь с реальной жизнью человека [Ong 1992: 77].

Приведенные диалектные высказывания подтверждают и другой тезис того же ученого:

Разумеется, у устных культур нет словаря, но и семантические расхождения немногочисленны. Значение каждого слова регулируется тем, что Гуди и Ватт (1968, с. 29) называют <непосредственной семантической ратификацией>, то есть реальными жизненными ситуациями, в которых слова используются здесь и сейчас. Устный ум не интересуется определения (Luria 1976, с. 48–99). Слова обретают значение только в своей неотъемлемой (insistant) естественной среде (*habitat*), которая не является, как в случае словаря, просто собранием разных слов, поскольку включает в себя жесты, голосовые модуляции, выражение лица и всю экзистенциальную ситуацию человека, в которой всегда появляется настоящее, произнесенное слово. Значения слова постоянно актуализируются в момент речи, хотя, безусловно, прежние значения формировали значения нынешние различными способами, которых уже не установить [Ong 1992: 74].

Приведенные выше высказывания очень часто находят подтверждение в ходе полевых исследований. Именно поэтому для лингвистической характеристики (семантика, грамматическая функция) обычно недостаточно одной записи (ср. Примечание 1). Исследование не только значения диалектной единицы требует значительного увеличения количества информантов. Если ограничиться наблюдением за речью одного информанта, то невозможно в полной мере охватить структуру речи представителей данного диалектного сообщества, по-прежнему функционирующего с опорой на устную традицию.

### **O kim można powiedzieć *konował*?**

*to jes taki co miał bardzo dużo wiadomości ... samouk ... a nieraz mu sie to nie sprawdzało ... ale on był tak pewny siebie ... że przykładowo ... jak ktoś był*



*chory ... czy jakieś zwierze<sup>n</sup>ta ... to on tam te swoje mo<sup>n</sup>drości ... a nieraz to nie zdawało ... i tak czeba było wolać weterynarza ... bo ... jego wiadomości nie były tak ... pewne ...* (Хойно, повет Равич; запись 2020 г., инф. 1952 г. р.).

#### **Кого можно назвать коновалом?**

*Это тот, кто очень много знал... самоучка...но у него частенько ничего не выходило... но он был такой самоуверенный ... что например... когда кто-то болел... или какие-то животные... то он там эти свои премудрости... а иногда ничего не получалось... и все равно приходилось звать ветеринара... ведь... его знания были не такие... надежные...*

В приведенных выше материалах (второй пример из Горанеца) мы видим еще и иллюстрацию взаимосвязи между литературным языком и говорами. Речь о часто обсуждаемой проблеме «воздействия» средств массовой информации (прессы, радио, ТВ) на говор, под влиянием которых говор должен сдать свои позиции. В нашем случае речь идет о ситуации, когда появляющемуся в вопросе литературному слову *kosić* соответствует диалектное *siec*.

Изменения в диалектной лексико-грамматической системе можно констатировать только на достаточно обширной материальной базе. Таким условиям в значительной степени соответствует корпус говора села Букувец Гурный (повет Лешно), в настоящее время включающий в себя более 600 000 словоформ, в котором для каждой диалектной единицы указан год рождения информанта, его инициалы и дата записи. При выборе собеседников создатели старались соблюдать поколенческую пропорцию: здесь принадлежность к тому или иному поколению обозначается годом рождения информанта, поскольку я исходил из предположения, что на особенности языкового поведения конкретной личности решающее влияние имеет время формирования его языковой компетенции, время овладения им языковой системой, а также культурные связи [Sierosiuk 2003]. Были выделены следующие возрастные группы информантов:

- I. Родившиеся до 1920 года;
- II. Родившиеся в 1921–1945 гг.;
- III. Родившиеся в 1946–1970 гг.;
- IV. Родившиеся в 1971–1995 гг.;
- V. Родившиеся в 1996 и позже.

В приведенных ниже сопоставлениях два первых параметра (инициалы и год рождения информанта) особенно подходят для представленного анализа. В корпусе содержится материал (единицы, зафиксированные только в свободных высказываниях информантов), почерпнутый из более чем 200 часов бесед с почти 70 информантами. Следует отметить, что приведенные ниже примеры (зафиксированные не во всех интервью) прозвучали в свободных высказываниях, а не в результате прохождения опросника.

Для начала давайте взглянем на зафиксированные в текстах деминутивы:

	<b>DRABKA</b> [36×]	<b>DRABECZKA</b> [12×]	<b>DRABINKA</b> [20×]
SzM (1886)	2	–	–
PaK (1910)	8	1	–
UrA (1912)	–	5	–
PoJ (1919)	1	–	–
SoW (1920)	–	1	–
DoS (1921)	1	–	–
MaF (1922)	1	–	3
SwS (1922)	1	1	–
SIJ (1923)	1	1	–
SzA (1923)	2	–	2
SzJ (1925)	–	–	3
PoW (1928)	–	–	2
SoA (1928)	4	–	–
SoF (1928)	–	–	1
LiE (1935)	1	3	1
PoB (1937)	3	–	–
PoC (1942)	4	–	1
GrP (1944)	–	–	1
GuB (1946)	–	–	1
BaK (1947)	–	–	1
SaZ (1948)	7	–	2
WoS (1959)	–	–	2

Приведенные данные отчетливо иллюстрируют изменения в речи разных поколений жителей села. Кроме того, они опосредованно подтверждают, что конкретные формы имеют именно поколенческую привязку.

Из того же корпуса я выписал все вхождения двух словообразовательных вариантов, строение которых — формант *-yszek* — принято считать типичным для великопольских говоров. Эти примеры в свою очередь проливают свет на проблему «категориальной репрезентации» словообразовательных явлений.

	<b>KAMYCZEK [2×]</b>	<b>KAMYSZEK [17×]</b>
SbW (1917)	—	1
SoW (1920)	—	2
DoS (1921)	—	2
MaF (1922)	—	2
SwS (1922)	—	3
SzA (1923)	—	1
SIJ (1923)	—	2
PoW (1928)	—	1
SoA (1928)	1	1
MaE (1929)	—	1
DrX (1970)	1	1

	<b>KAWAŁECZEK [18×]</b>	<b>KAWALYSZEK [2×]</b>
SoW (1920)	1	—
SIJ (1923)	1	—
SzA (1923)	2	2
SzJ (1925)	4	—
PoW (1928)	5	—
SoA (1928)	1	—
ŚlZ (1934)	1	—
GrP (1944)	2	—
PoA (1951)	1	—

Специфическое — и во многом показательное — соотношение зафиксированных форм однозначно доказывает, что свидетельства активного индивидуального употребления словообразовательного форманта не главное при характеристике языковых процессов развития. Приведенные выше примеры нельзя считать доказательством ни доминирования типа *-yszek*, ни доминирования конкурирующего с ним типа с суффиксом *-ek*.

Опыт полевых исследований однозначно доказывает, что степень жизнеспособности конкретной языковой единицы — в данном случае словообразовательного форманта — обусловлена географическим фактором, поскольку распространение конкретных словообразовательных типов очень часто иллюстрируют полевой фиксацией отдельных дериватов. Ареалы образованных с помощью данного форманта лексических единиц не только не накладываются друг на друга, а зачастую выступают на взаимоисключающих территориях (см. *pszen-nisko* — карта 19 и *jęczmien-nisko* — карта 37 в [Sierociuk 1996]).

Однако вернемся к существенной при изучении говора проблеме преемственности традиции (не только языковой) в конкретном сообществе.

У слова (или его значения), вышедшего из повседневного употребления, в диалектной среде нет шансов на возвращение. Разрыв преемственности в диалектном (устном) сообществе приравнивается к полному стиранию из локальной памяти. Заодно возникает проблема «глубины» временной репрезентации материалов, представленных в первую очередь в словарях говоров (а также в монографических описаниях). В качестве примера приведем здесь материальную иллюстрацию слова *bamber* из SGP 3 [SGP 3: 337], где имеем:

1. ‘крестьянин, хозяин’ [...]; **a.** ‘богатый хозяин’ [...]; **b.** ‘хозяин, обычно богатый, немецкого происхождения’.
2. ‘простой, невоспитанный человек’.
3. *во мн.ч.* ‘картофель’.
4. ‘картофельная оладья’.
5. ‘толстый, большой и неподвижный вол’.

Для наших рассуждений существенны значения 3 и 5 по причине времени их фиксации. Ведь это единичные (разовые!) случаи употребления, почерпнутые из изданных в 1875 году материалов Оскара Кольберга [Kolberg 1875]:

*Бамбрами* называют также в Косцьянском повете определенный сорт крупного бугристого картофеля [Kolberg 1875: 45]; быков в зависимости от ма-

сти [...] или же в зависимости от различных недостатков и достоинств, в них усматриваемых: *ныгус*, *немец*, *пробоц* [...], *пампер* (толстый и маленький), *бамбер* (толстый и крупный, но неповоротливый), *шваб*, *швая* [...] [Kolberg 1875: 104].

Никто из респондентов, опрошенных в ходе интенсивных полевых исследований на указанной территории, не знал этих значений. Следовательно, такая семантика слова *bamber* в говорах уже отсутствует [подробнее об этом: Sierociuk 2019].

Данный пример наглядно иллюстрирует необходимость учитывать временную принадлежность языкового материала (в основном лексического), представленного в лексикографических описаниях. Смену живой лексики в сельской среде во многом определяют экстралингвистические факторы. Распространение электрификации и водопровода естественным образом привело к изменениям в лексике данных тематических полей. На смену прежним десигнатам повсеместно (то есть на всей языковой территории) пришли известные инновации, которые лишь в незначительной степени перенимали прежнюю номенклатуру. Но даже в такой ситуации мы имеем дело с иной словарной единицей.

Сравнение данных из Букувеца Гурного однозначно доказывает необходимость учета поколенческого фактора в диалектологической документации; параллельно возникает вопрос датировки используемого материала. Жизнеспособность локальных языковых форм подчиняется правилам устной традиции, поколенческой преемственности. Эта обусловленность особенно заметна в ситуации сопоставления материала, полученного от носителей данного говора за длительный временной промежуток. В связи с этим было принято решение при сопоставлении региональных словарей, подготовленных познанскими учеными, не включать в документационную базу данные, полученные значительно раньше. Примером может служить заметное ослабление жизнеспособности деминутивной формы типа *kamionek* ‘маленький камень’ в речи жителей Луковской земли.

Составляя вопросник (по которому информантов опрашивает в основном учащиеся старших классов школы), я добавил несколько вопросов для сбора материала, который позволил бы выявить изменения в говорах данной территории. Некоторые слова либо фиксировались крайне редко, либо не были зафиксированы вовсе. Согласно исследованиям, проведенным в 2017 году для нужд упомянутого словаря (SJMZŁ 2019), форма *kamionek*, которая согласно исследованиям 40-летней давности была повсеместно

распространена на этой территории, встречалась уже лишь спорадически. Подобным образом не зафиксировано свидетельств жизнеспособности дифференцированных названий ручек плуга; из ожидаемой пары *ro<sup>n</sup>czki* и *czepigi* была зафиксирована только первая; второй формы не удалось записать даже с помощью прямого вопроса «что такое *czepigi*?» [SJMZŁ 2019: 42].

Описанные ситуации однозначно подтверждают то, о чем писал У. Онг: «Устная культура должна постоянно повторять однажды полученное знание, иначе оно подлежит забвению» [Ong 1992: 47].

Эта зависимость опосредованно подтверждается в ходе полевых исследований, когда проблема «исторической глубины» памяти собеседников практически сводится к двум уровням: родители и дедушки с бабушками. Локальная языковая память чаще всего подтверждается утверждениями типа: «так говорила моя мама / мой папа»; иногда историческая жизнеспособность некоей языковой единицы (лексемы, грамматической формы) доказывается словами: «так говорила еще моя бабушка / мой дедушка». Дальше этой границы устная память не простирается. В этой ситуации становится ясно, что жизнеспособность диалектных форм, доступная научному наблюдению, в принципе ограничивается тремя поколениями — ‘я’ : ‘родители’ : ‘дедушки и бабушки’.

Следовательно, архаичность в говорах не может быть описана так, как архаичность в литературном, письменном языке. Ведь литературный язык «располагает» своеобразной архивной документацией; в его случае мы имеем дело с многовековой традицией, что для говора означало бы длительную (до нескольких десятков поколений) преемственность. Это дает возможность выделить периоды в истории развития литературного языка. Эти данные иногда переносят на диалектную среду, поскольку здесь формы, которые везде считаются (на этом основании) архаичными — т. е. с точки зрения истории литературного языка, — с точки зрения носителя говора воспринимаются просто как «старые» («потому что так говорят старые люди») или редкие.

В сельской традиции функционирует еще одно проявление устной культуры — фольклор, в первую очередь рифмованный, песенный. Здесь проблема сохранности стоит несколько иначе, тем не менее отчетливо заметны следы очень древней традиции — до распада праславянской общности. В этом случае есть основания говорить о непрерывном существовании поэтической структуры, функционировавшей уже в период праславянской общности [Sierociuk 1990; 2001; 2009].

Таким образом, традиционное сельское сообщество культивирует устность в двух плоскостях — творческой (песенный фольклор) и повседневной коммуникации, т. е. говора. Очевидно, что обе эти плоскости в силу своих функций имеют разный статус на шкале сохранности. Тем не менее существование обеих предопределяет типичная для устной культуры межпоколенческая устная передача.

### Литература

- AGP — *Dejna K.* Atlas gwar polskich. Małopolska, Warszawa, 1998. T. 1.
- AJPP — *Malecki M., Nitsch K.* Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934. Cz. II. Wstęp, objaśnienia, wykaz wyrazów.
- Dejna 1993 — *Dejna K.* Dialekty polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1993.
- Encyklopedia — *Encyklopedia wiedzy o języku polskim / pod red. S. Urbańczyka.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.
- Goody, Watt 1968 — *Goody J., Watt I.* The consequences of literacy // Literacy in Traditional Societies. Cambridge, England, 1968. P. 27–84.
- Kolberg 1875 — *Kolberg O.* Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce / przedstawił Oskar Kolberg. Serya IX. Z dwiema rycinami, wedle rysunku B. Hoffa. W. Ks. Poznańskie. Część pierwsza. Kraków, 1875.
- Nowak 1982 — *Nowak H.* Gwary południowej Wielkopolski. Poznań, 1982.
- Luria 1976 — *Luria A. R.* Cognitive Development: Its Cultural and Social Foundations / ed. M. Cole, trans. by M. Lopez-Morillas and L. Solotaroff. Cambridge, Mass.; London, 1976.
- Ong 1992 — *Ong W. J.* Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii. Lublin, 1992 [оригинал: *Orality and Literacy. The Technologizing of the Word.* Methuen; London; New York, 1982].
- Piwowarczyk 2020 — *Piwowarczyk D.R.* Kazimierz Nitsch — współtwórca językoznawstwa polskiego // *My z Nich 4. Spuścizna językoznawców polskich XX wieku / red. nauk. Z. Greń, K. Kleszczowa, Z. Zaron.* Warszawa, 2020. S. 129–140.
- SGP 3 — Słownik gwar polskich, opracowany przez Pracownię Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie / pod kier. M. Karasia. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982. T. I, z. 3 (BAŁACHWASTA–BĄGA).
- SGP 30 — Słownik gwar polskich, opracowany przez Pracownię Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie / pod kier. R. Kucharzyk. Kraków, 2016. T. IX, z. 3 (30) (GRZEBŁO–HADENAJSTWO).
- Sierociuk 1990 — *Sierociuk J.* Pieśń ludowa i gwara. Lublin, 1990.
- Sierociuk 1996 — *Sierociuk J.* Budowa wybranych formacji rzeczownikowych — szczególnie nazw miejsc — w gwarach między Wisłą a Wieprzem. Lublin, 1996 [перездание: Poznań, 2021; <https://wydawnictwo.ptpn.poznan.pl/budowa-wybranych-formacji>]

- rzeczownikowych-szczegolnie-nazw-miejsc-w-gwarach-miedzy-wisla-a-wieprzem/4836/].
- Sierociuk 2001 — *Sierociuk J.* Czy istniał prasłowiański język poetycki? // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2001. T. VIII (XXVIII). S. 127–137.
- Sierociuk 2003 — *Sierociuk J.* Założenia metodologiczne badań języka wsi // *Poznańskie Spotkania Językoznawcze* / red. Z. Krążyńska, Z. Zagórski. Poznań, 2003. T. 12. S. 131–136 [Также: The methodological assumptions about research into language of villagers // *Gwary Dziś* 13 (2020), s. 165–172; [http://gwary.ptpn.poznan.pl/wp-content/uploads/2021/01/11\\_Gwary\\_13\\_2020\\_The-methodological-assumptions.pdf](http://gwary.ptpn.poznan.pl/wp-content/uploads/2021/01/11_Gwary_13_2020_The-methodological-assumptions.pdf)].
- Sierociuk 2005 — *Sierociuk J.* Problemy współczesnej dialektologii // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. Z. LXI. Kraków, 2005. S. 67–76.
- Sierociuk 2009 — *Sierociuk J.* Homer i współczesny folklor — różny czas, jedna tradycja // *Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність* / ред. П. О. Бех, В. М. Зорівчак, Є. А. Карпіловська та інш. Київ, 2009. С. 453–462 [Также: Homer and contemporary folklore — different time, one tradition // *Gwary Dziś* 13 (2020), s. 153–163; [http://gwary.ptpn.poznan.pl/wp-content/uploads/2021/01/10\\_Gwary\\_13\\_2020\\_Homer-and-contemporary-folklore.pdf](http://gwary.ptpn.poznan.pl/wp-content/uploads/2021/01/10_Gwary_13_2020_Homer-and-contemporary-folklore.pdf)].
- Sierociuk 2019 — *Sierociuk J.* Bamber — rozwój znaczeniowy wyrazu // *Kronika Miasta Poznania*. 2019. № 2. S. 41–54.
- SJMZŁ 2019 — *Słownik języka mieszkańców ziemi łukowskiej. Praca na roli i w gospodarstwie* / pod red. J. Sierociuka. Poznań, 2019.
- SP 2001 — *Słownik prasłowiański, opracowany przez Zespół Instytutu Sławistyki PAN* / pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2001. T. VIII (GODA–GYŻA).

### Summary

*Jerzy Sierociuk*

#### Dialect — speech of the oral environment

The dialect contrasts the general language with the literary lack of what is called the tradition of writing. It is based on oral transmission, and I understand orality as a cultural type, not as “speaking”; therefore, the analysis focuses on the consequences of the functioning of the dialect in an oral environment, in which the tradition is passed on by word of mouth based on the (inter)generation transmission. The dialect does not have specific texts functioning in the collective memory, nor does it have dictionaries. In this situation, the direct memory of interlocutors is actually limited to three generations. This time is also available to researchers who want to take into account the problem of changes taking place in this language environment. In turn archaic dialectal elements it is possible to conclude only after the confrontation with general language documentation.

*Keywords:* dialect, oral culture, orality of language, duration of dialect